

В. Н. Твердохлебов

БУМАЖНЫЕ ДЕНЬГИ И ТОВАРНЫЕ ЦЕНЫ

Мировая катастрофа и вызванные ей усиленные эмиссии неразменных кредитных билетов привлекли обостренное внимание к вопросам денежного обращения: под влиянием вакханалии товарных цен общество и наука пытаются выяснить, какую роль в этом процессе играют бумажные деньги. В связи с этим снова, как сто лет тому назад, разгораются споры о сущности денег, значении золотого обращения, лажа и т. п. Хотя еще Рикардо находил, что «о денежном обращении писали так много, что из всех лиц, занимающихся этими вопросами, разве одни только предубежденные не знают истинных его законов», однако, ныне, столетие спустя, вряд ли есть область политической экономии, вызывающая больше разногласий, чем денежное и особенно бумажно-денежное обращение.

С начала войны одни экономисты настойчиво предупреждали против усиленных выпусков бумажных денег, предсказывая их обесценивание и расстройство денежной системы, другие смотрели на дело более оптимистически: пусть государство выпускает бумажек сколько ему нужно, излишек их уйдет в банки и сберегательные кассы в поисках доходного помещения капитала; такое *perpetuum mobile* может продолжаться до конца войны без опасности для денежного обращения. Пример грандиозных внутренних займов Германии отчасти оправдывал эти надежды. Правда, цены многих товаров вскоре после открытия военных действий испытали резкий скачок вверх, а в 1915 г. дороговизна распространилась на все предметы потребления, вплоть до главных предметов нашего вывоза. Но причины дороговизны усматривали в сокращении рабочей силы, расстройстве транспорта, недостатке материалов, закрытии границ, усиленном потреблении армии, вообще в экономических фактах, лежащих вне области денежного обращения. Еще летом 1915 г. многие утверждали, что рост денежных знаков не привел к их обесценению на внутреннем рынке, несмотря на резкое падение курсов нашего рубля за границей и высокий лаж.

Не подлежит сомнению, что лаж не служит точным показателем падения ценности денег на внутреннем рынке: лаж обуславливается, прежде всего, и главным образом состоянием расчетного баланса; значительные выпуски бумажных денег часто не отражаются на курсе иностранных векселей¹. И обратно: резкие изменения вексельного курса часто совпадают со стационарным состоянием эмиссий и отсутствием колебаний цен на внутреннем рынке; внутри страны курс неразменных кредитных билетов определяется главным образом «внутренними»

¹ Никто, конечно, не отрицает связи между количеством бумажных денег и изменениями торгового баланса и лажа, но параллелизма нет никакого, на лаж действует ряд других причин; вся история бумажных денег показывает, насколько практически бесполезно ставить изменения лажа в зависимость от количества бумажных денег: и в России, и в Австрии в начале XIX в. и в 50-х и в 70-х гг. «странным образом» (Туган-Барановский) зависимости не наблюдается (Туган-Барановский, 1916, с. 312—313). Не знаю, что тут странным находит профессор Туган-Барановский.

экономическими причинами¹. Итак, падение нашего курса за границей на 50—60% еще не означало, что деньги настолько же подешевели в России и что этим уменьшением ценности денег объясняется рост товарных цен.

Но если еще летом 1915 г. могли быть споры о влиянии усиленных эмиссий на цены, то с тех пор резкое повышение цен, всеобщность и повсеместность дороговизны, распространившейся даже на предметы, издержки производства которых мало изменились, создают всеобщее убеждение, что уменьшение ценности денег на внутреннем рынке произошло и усиливается, что «наряду» с прочими экономическими причинами дороговизны действует одна общая — усиленная деятельность печатного станка.

Точно доказать и определить влияние этой причины, выделив ее из других факторов дороговизны, невозможно не только за недостатком статистических данных, но и вследствие взаимодействия ее с прочими причинами; влияния их так тесно переплетаются, что даже теоретически их трудно разграничить.

История французских революционных ассигнаций, а также австрийских и русских бумажных денег начала XIX в. достаточно ярко обнаружила влияние количества денежных знаков на их ценность. Но с какого момента это влияние начинается, как велико оно, каковы условия, усиливающие или ослабляющие его, насколько пониженные ценности соответствуют росту эмиссий — на все эти вопросы наука до сих пор не дает ясного и определенного ответа.

Старая количественная теория обращения несколько упрощенно решала вопрос: потребность в денежных знаках каждой страны равна сумме денежного оборота, деленной на быстроту его, т. е. на число оборотов каждого денежного знака в течение года (N). $D = O : N$. Отсюда заключали, что с увеличением величины D (*ceteris paribus*) пропорционально возрастает O , т. е. с увеличением количества денег соответственно увеличивается номинальная ценность всех обмениваемых товаров².

Эта теория оказалась совершенно неправильной: она не учитывала роли кредитного обращения, расширяющегося или сжимающегося в зависимости от количества денежных знаков, и обратной зависимости быстроты обращения и количества денег; общая ценность оборота и цены отдельных товаров не должны непременно возрастать пропорционально количеству денег.

Но даже «при предположении неизменности всех других условий, влияющих на ценность денег», «рассматривая вопрос совершенно абстрактно», мы не можем признать правильной вышеприведенную количественную теорию (вопреки мнению проф. Туган-Барановского)³: падение ценности денег, как и всяких других благ, происходит далеко не пропорционально их количеству, оно зависит от эластичности потребности в деньгах и может быть более быстрым, чем рост количества, но может и не поспевать за ним; количество денег различно отражается на ценах разных категорий товаров в зависимости от роли натурального хозяйства в стране, от характера производства и потребления данного товара. Таким образом, даже «рассматривая вопрос абстрактно», нельзя согласиться с чересчур «механическим»⁴ представлением классической экономии о влиянии количества денег на товарные цены. К тому же на цены влияет не все количество имеющихся в стране денежных знаков, а только то, которое фактически рас-

¹ Это положение, давно установленное Ад. Вагнером, подтверждается обильными историческими сопоставлениями, которые приведены проф. М.И. Туган-Барановским на страницах «Вестника Финансов» в № 41, 44, 46 и 47.

² Любопытно, что Рикардо распространял эти положения и на металлические деньги, причем количественная теория оригинальным образом сочеталась у него с трудовой теорией ценности.

³ (Туган-Барановский, 1916, с. 310).

⁴ См.: (Wagner, 1908, S. 697—704). Между тем отзвуки этой «механической» количественной теории слышатся до сих пор даже на родине теории предельной полезности — в Австрии, напр. в статье (Schlesinger, 1916, S. 3—4 u. f.).

ходуется на покупку товаров и оплату услуг (Вагнер). В этом последнем ограничении заключается, по нашему мнению, разрешение многих недоразумений и споров, которые возникали у нас в связи с усиленными эмиссиями.

Само по себе увеличение количества денежных знаков не может оказать никакого действия на цены, если они не обратились на покупку товаров. Вопрос о влиянии эмиссий на цены сводится к вопросу, почему именно и в каком размере в данной стране бумажные деньги обращаются на усиленное потребление, почему излишек не уходит весь в банки на вклады и текущие счета? Потребление бывает производительное (потребление сырья и прочей промышленности) и непроизводительное. Рост количества денег отражается на том и другом одновременно; Вагнер утверждает (Wagner, 1908, S. 181), будто увеличение количества денег отражается сперва на производительном потреблении («Produzentengeld»), усиливая производство, поднимая заработную плату и только таким путем увеличивая непроизводительное потребление («Konsumentengeld»); правда, он говорит в данном случае о «нормальном» денежном обращении, противопоставляя его «ненормальным» отношениям, в том числе бумажно-денежному обращению (Wagner, 1908, S. 186—187), но в дальнейшем не указывается, каков порядок воздействия эмиссий на производительное и непроизводительное потребление при ненормальных условиях, т. е. во время войны и по прекращении размена. Между тем эти ненормальные условия в данную минуту только и интересуют нас.

Война вызывает некоторое сокращение обращающихся на рынке товаров вследствие сокращения рабочих рук и производства; потребности, вызванные самой войной — быстро расцветающая «военная» промышленность — не могут увеличить количество реальных производимых страной благ; несмотря на то, что высокие цены реквизиции ведут к распродаже части накопленных запасов и инвентаря, все-таки количество предлагаемых товаров меньше, чем в мирное время. А количество денежных знаков растет вследствие усиленных расходов государства. Если бы государство брало потребные ему для оплаты и содержания армии деньги из индивидуальных доходов (путем высоких налогов, реквизиции без оплаты их и т. п.), то общая сумма денежных средств в стране, спрос на товары и цены их в среднем не изменились бы. Но военные издержки покрываются в значительной мере путем выпуска неразменных банкнот; благодаря этому сумма денег и спроса на товары растет параллельно с уменьшением количества предлагаемых товаров¹.

Впрочем, и рост государственных расходов, и спрос на необходимые для армии товары не влияют на товарные цены, если выпущенные деньги сберегаются населением и обращаются в государственные займы, т. к. на цены влияет лишь та часть денег, которая обращается на покупку товаров. Вредное влияние «бумажек» сказывается лишь постольку, поскольку они способствуют усилению непроизводительного потребления, поскольку поступающие от государства средства обращаются его подданными на расширение удовлетворения их потребностей.

Вот это расширение потребностей и служит главным объяснением нашей дороговизны, отличая Россию от Франции и Германии: на Западе война сократила потребление; немец стал меньше есть, хуже питаться, хуже одеваться, чем раньше; во Франции питание мало изменилось, но хоть глубокий патриотический подъем, который охватил все население великой страны, та сосредоточенность, с которой нация борется с вековым врагом, почти уничтожили потребление предметов роскоши, понизили standard of life большинства населения; в богатой Англии раздаются призывы к экономии, к сокращению потребления и расходов. И понятно: война сама по себе есть страшное непроизводительное потребление, уничтожение десятками лет накопленного народного богатства;

¹ Ср. (Schlesinger, 1916, S. 5—6). Интересный анализ влияния войны на ценность денег у К. Шлезингера страдает от влияния старого «механического» понимания количественной теории классической экономики.

народы Запада уже стремятся хоть отчасти возместить эти потери экономией на остальных расходах.

У нас в России в тот момент, когда миллиарды рублей разметаются в воздухе и зарываются в землю в форме шрапнелей, гранат, окопов, траншей, когда миллионы людей оторваны от производительного труда для защиты родины, а другие миллионы в тылу заняты изготовлением орудий смерти и боевых припасов, в эти годы величайшего разорения население потребляет и расходует больше, чем в мирное время, бюджеты большей части населения возросли; страна сжигает свой капитал с двух сторон.

Россия стала больше есть во время войны, потому что она раньше не доедала, и нормальный солдатский рацион оказался роскошью для взятого на войну крестьянина; т. е. в бедности нашего крестьянства следует искать первой причины указанного отличия России от других воюющих стран. Оставшиеся дома крестьянские семьи тоже стали лучше питаться, так как недосев хлебов оказался в первые два года войны незначительным, а прекращение продажи питей, пайки семейств призванных и реквизиция скота увеличили денежный бюджет крестьянства на несколько миллиардов, позволило ему не продавать хлеба и увеличить свои обычно скудные запасы.

Но часть этих миллиардов пошла на предметы потребления менее необходимые: с разных концов России сообщалось о том, что крестьянки раскупают ситцы и другие материи в невиданном доселе размере; покупная мебель и другие предметы потребления, до сих пор бывшие в деревне диковинкой, все чаще появляются в крестьянских избах. Как отнестись к этим новым явлениям? Повышение *standard of life* крестьянства — ведь это наша давняя мечта; увеличение потребностей — залог интенсификации труда и, следовательно, производства; в мирное время оставалось бы только приветствовать данное явление. Но теперь, когда рост доходов и потребления объясняется бумажным дождем, нельзя не согласиться, что момент для расширения потребностей крестьянства неподходящий.

Городское население тоже, в общем, увеличило свои доходы: сокращение числа рабочих рук повысило плату ремесленников и фабричных рабочих, а на западах, работающих на оборону, плата достигла неслыханного уровня. Правда, цены жизненных продуктов, обуви, одежды поднялись вдвое, втрое и больше того, к тому же многие продукты совсем исчезли с рынка из-за расстройства транспорта или же для получения их приходится часами стоять в хвостах. Но любопытно, что жалобы раздаются главным образом по поводу отсутствия продуктов; там, где их можно достать по дорогой цене, их расхватывают, обходя таксы. Очевидно, бюджет населения сильно возрос: не заработная плата поднялась из-за роста цене, а, наоборот, рост цен вызван ростом доходов и спроса на товары.

Повышение заработной платы составляет незначительную часть тех прибылей, которые получают заводами, работающими на оборону, а также и прочими отраслями промышленности (например, хлопчатобумажной), использовавшими почти полное закрытие границ. Банки и банкиры всегда наживались во время войн и создаваемых ими денежных пертурбаций (Ротшильды во время наполеоновских войн) — богатую жатву дала им, конечно, и нынешняя война. Вокруг казенных заказов, поставок и колебаний товарных цен наживаются многие спекулянты. Доходы лиц свободных профессий, особенно инженеров и врачей, резко повысились. Семьи военных или полковников, тоже получают больше, которым сохранены их полные или половинные оклады, тоже получают больше, хотя дороговизна поглотила уже прирост их бюджета. В общем, доход большинства населения увеличился (по крайней мере, в первые годы войны) больше, чем возросли цены жизненных продуктов; рост доходов причина роста цен, а не следствие. Увеличение бюджета повело к расширению потребления предметов роскоши и к удовлетворению второстепенных потребностей: театры, концерты, кинематографы переполнены, как никогда; магазины старинных вещей, ювелирные, цветочные, кондитерские и пр. делают блестящие дела... Тут

к экономическим причинам примешиваются и психологические. Очевидно, стимулы к сбережениям были недостаточны, и, стало быть, в целях более усиленного поощрения их надлежало бы принять различные меры по большему приспособлению условий государственного кредита к запросам населения (при том различных слоев народа) и к энергичной популяризации военных займов.

Итак, бумажные деньги влияют на цены; они не только «обесценились» (Entwertung) по сравнению с золотом и заграничной валютой, но и уменьшились в ценности (Wertverminderung), т. е. подняли цены товаров. Но уменьшение их ценности не совпадает с лажем, так как международный оборот (особенно в нынешнюю войну, почти закрывшую границы) слабо отражается на внутреннем рынке. Причиной уменьшения ценности является увеличение количества денежных знаков, но только того, которое обращено на покупку товаров. Резкое влияние их на цены объясняется тем, что война повысила номинальный бюджет громадного большинства населения, денежный поток позволил нашей деревне не только увеличить потребление собственных продуктов, но и расширить круг потребляемых городских товаров; высокие прибыли в промышленности, рост числа государственных и общественных должностей и повышение окладов повысили доходы горожан, усилив и их потребление. Отсутствие привычек к сбережениям и недостаточное сравнительно с возможностью и желательностью помещения средств в государственные займы направили излишки доходов в сторону непроизводительного потребления, усиливая всеобщую дороговизну.

Если правилен диагноз болезни, то из него естественно вытекают и методы ее лечения: прежде всего необходима крайняя экономия в расходах государства — тщательный пересмотр всего нашего как военного, так и общего расходного бюджета, строгий контроль и сокращение appetitов в области военных заказов и поставок, а также в нынешних продовольственных операциях, неуклонное проведение системы твердых цен; общественные организации и органы самоуправления тоже должны несколько съезжиться: слишком много народа «кормится» около войны. Затем необходимо принять меры по приближению займов к населению, регулировать и даже ограничить на время войны частные эмиссии, за исключением отраслей промышленности, необходимых для обороны в широком смысле слова, и подвергнуть действительному контролю операции коммерческих банков, умерить также биржевую вакханалию. Для борьбы с ростом непроизводительного потребления нужно повысить ставки подоходного налога, усилить прогрессию, поднять обложение военных прибылей, установить высокое обложение наследств, налог по ценности земли и на прирост ценности, ввести ряд монополий, расширить круг запрещаемых к ввозу предметов роскоши и вообще таких, без которых можно обойтись¹.

Источники

Туган-Барановский М. Чем определяется величина лажа? // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1916. № 47.

Schlesinger K. Die Veränderung des Geldwertes im Kriege // Zeitschrift für Volksw., Soz.-pol. und Verw. 1916. N 1–3.

Wagner A. Sozialökonomische Theorie des Geldes und Geldwesens. Leipzig, 1908.

Печатается по: «Вестник финансов, промышленности и торговли». 1917. № 4. С. 142–144.

¹ Не все положения проф. В.Н. Твердохлебова и не все практические мероприятия, им предлагаемые, редакция «Вестника финансов» считает безусловно правильными. Тем не менее, руководствуясь желанием способствовать объективному выяснению очередных вопросов, мы весьма охотно даем место этой интересной статье, освещающей мало затронутые до сих пор стороны вопроса. (Ред.)